

С ЭТИМ связана вся творческая жизнь художника, все его желания, мечты. Когда я говорю об этом, я всегда вспоминаю замечательную статью Бориса Асафьева, написанную им еще в 1924 году. Он обратился тогда со страстным призывом к творцам советской музыки, преодолеть субъективистский характер творчества, выйти из своих кабинетов, сблизиться с народом, создавать произведения для широких масс: «Композиторы, поспешите! Если вы не поспешите навстречу советской действительности, жизнь отвергнет вас». В то время я только вступал на путь искусства, не знал этой статьи и не мог осознать значения этих слов. Со временем мне стали понятны их глубина, их мудрость, их сила.

«Жизнь отвергнет вас» — есть ли более страшная кара для художника! Мне довелось встречаться с самыми различными аудиториями, посетить сорок одну страну мира, объехать почти весь Советский Союз. И каждый раз убеждаешься, как тянутся к музыке люди, какую огромную роль играет она в их духовной жизни.

Для того чтобы хоть приблизительно обозначить диапазон понятия «слушатель», назову несколько людей из тех, с кем беседовал я о музыке: Пабло Неруда, Эрнест Хемингуэй, Чарли Чаплин, королева Елизавета Бельгийская, даже покойный папа, римский Иоанн XXIII. А наряду с ними — молодежь Сибири и Воронежа, советские ученые, академики и школьники, рабочие и колхозники. Интересная дружба сложилась у меня на почве музыки с директором сельскохозяйственной опытной станции в селе Грозино на Житомирщине. Началось все с письма-отклика, посланного его женой на радио после одной из передач моих произведений. Я ответил ей, и завязалась многолетняя переписка между нами. А недавно по приглашению этой семьи и других труженников села Грозино я побывал у них вместе с симфоническим оркестром УССР и выступил на открытии Дома культуры с авторским концертом. Радость общения с такой слушательской аудиторией незабываема!

Запомнилась одна встреча в городе Кирове: Пожилой электриком Кировского завода пригласил меня к себе домой. Гостеприимный хозяин оказался любителем музыки, в его скромной квартире большая полка была заполнена редкой коллекцией грампластин.

стинок с записью музыки русских и зарубежных композиторов-классиков, современных авторов. (Между прочим, он являлся «поставщиком» музыкальной литературы для передач местного радио). В этом, казалось бы, незначительном факте увидела мне примета времени.

В самом деле, как изменился, вырос наш слушатель: развились его вкусы, появился интерес ко всему подлинно новому, подлинно передовому в музыке. То, что лет тридцать назад рядовому посетителю концертного зала казалось неслыханно дерзким, сегодня воспринимается с горячим одобрением. И напротив, некоторые сочинения, написанные в добротной академической манере, но лишенные живой мысли, смелого порыва, поиска, не трогают, не зажигают сердца.

И здесь мне хотелось бы поделиться некоторыми мыслями о проблеме традиций и новаторства, имеющей непосредственную связь с взаимоотношениями композитора со слушателями. Использование в сочинении свежих, оригинальных красок — это еще слишком мало для ее решения. Вспомним неутолимое стремление к новизне классика нашей музыки Сергея Прокофьева. Каждая его партитура — открытие. Однако вот как этот несравненный художник определил свои творческие позиции, принципы: «Сейчас не те времена, — говорил он, — когда музыка писалась для крошечного кружка эстетов. Сейчас огромные толпы народа стали лицом к лицу с серьезной музыкой и вопросительно ждут... Массы хотят большой музыки, больших событий, большой любви, веселых плясок. Они знают гораздо больше, чем думают некоторые композиторы, и хотят совершенствоваться». Эти слова полезно запомнить всем композиторам современности.

Подлинная оригинальность художника отличается от вымученного «оригинальничанья», как отличается живое лицо красивой женщины от рекламного манекена «красавицы» в витрине парикмахерской. Стремись быть во что бы то ни стало непохожим ни на кого из своих предшественников, такой «оригинал» становится похожим на всех, кто претендует на роль «оригинального» художника, на роль «реформатора». Да, современная музыкальная речь развивается, но, по моему твердому убеждению, не в том направлении, куда ее пытаются тянуть теоретики и практики ультрамодерна.

Сошлюсь на творческий опыт одного из выдающихся представителей советской

композиторской школы — Дмитрия Шостаковича. Как и Прокофьев, он служит для всех примером подлинно новаторского подхода к творчеству, к выработке новых, естественно выросших на почве традиций музыки великих классиков средств выразительности — в мелодии, гармонии, полифонии, форме, приемах драматургического развития образов, сопоставлении тембров, оркестровке. Его искусство тоже определяет многие черты

ни за призрачной новизной, отказ от основы основ музыкальной речи — от народных корней, мне, советскому художнику, чужда: это один из способов забыть о широкой аудитории и писать лишь «для крошечного кружка эстетов».

Хочется возразить всем защитникам подобных «теорий». С моей точки зрения, искусство и культура во все времена и эпохи — явление национальное. Вспомним историю музыки прошлого,

ся, что в языке Шостаковича (в его симфоническом творчестве) недостаточно черт, выявляющих национальную природу его музыки. А вспомните прославленную «Ленинградскую симфонию»: такое мог создать только русский, вернее, советский человек. Здесь тот самый «русский характер», который потрясает глубоко обрисовал Алексей Толстой. Дмитрий Шостакович рассказывает в своей Седьмой симфонии о тех, кто закрывал

русский, другой — как француз. Что отличает их? Эмоциональный ключ, интонационная сфера, методы развития образов.

Стиль композитора, его манера письма — неотъемлемое свойство его творческой индивидуальности, его мироощущения, видения жизни, результаты художественных, музыкальных впечатлений, впитанных с детства. Убежден, именно атмосфера народного музицирования, окружавшая меня в раннем возрасте, определила в значительной степени основы моего музыкального мышления, подготовила почву для воспитания моего композиторского слуха, заложив фундамент той творческой индивидуальности, которая затем формировалась под влиянием педагогов, школы.

Народное музыкальное искусство — величайшие ценности, сохраняющие в веках свою свежесть, свой неповторимый художественный аромат, аромат природы, почвы, тех земель, на которых произросли эти бесценные богатства. Композитор — истинный наследник всех этих сокровищ. И от того, как сумеет он воспользоваться ими в своем творчестве, претворяя драгоценный художественный материал для рождения новых образов, связанных с сегодняшним днем, с современным восприятием жизни, зависит близость его интересам, запросам, вкусам слушательской аудитории.

Все средства правомерны, если они убеждают, если они увлекают, заражают. Да, да — заражают: в музыке, не сомневаюсь, самое главное — увлечь, заразить. Это ощущение испытываю я, когда стою за пультом и дирижирую собственными произведениями (а за последние полтора десятка лет это постоянное мое занятие). Оно неизменно в моих помыслах при встречах со слушателями в концертных залах, в беседах с ними. Поэтому все мои выступления перед нашим зрителем, перед зарубежной аудиторией — это не просто гастроли, когда надел фрак, продирижировал, вышел на поклон, и на том кончилась твоя миссия. Для меня поездки, где бы они ни состоялись, — это прежде всего знакомство со страной, с людьми, с культурой, с музыкальным бытом, обогащающими мои художественные впечатления. Это пропаганда высоких идеалов, которыми живет наша страна, наш народ. И всегда — успех у аудитории, не лично мой успех, а прославление общих дел моей прекрасной Отчизны.

С МЫСЛЯМИ О СЛУШАТЕЛЕ

Арам ХАЧАТУРЯН,
народный артист СССР

Сов. культура 1975, № 1, 1/1

развития современной музыки. Монументальные симфонические полотна, завоевавшие признание во всем мире, стали ярко впечатляющими художественными документами целой эпохи в жизни человечества. Чуткий слушатель может ощутить в них не только психологически тонкое отражение личности композитора, но и биение пульса времени, отголоски этапных событий нашей бурной жизни.

Все это достаточно известные истины, но сегодня бесполезно напомнить композиторам и теоретикам «новой музыки», которые пытаются опередить, обогнать слушателя, с тем, чтобы со временем он дорос до понимания их искусства. Сейчас на Западе больше, чем когда-либо, обнажился разрыв между требованиями широкой публики и творческой продукцией музыкантов, называющих себя авангардом. Меня всегда привлекают творческие эксперименты, новации. И, наверное, если того требуют художественная задача, мысль, я готов обратиться к открытиям композиторов этого направления. Но внутренняя сущность их теорий, отрицания всего, что связано с основными законами музыкального письма, ради по-

позднейшие течения — в них национальное начало составляет существо. Не случайно мы говорим: немецкая композиторская школа, французская, русская. Не случайно и в многонациональной советской культуре мы различаем школы разных братских республик страны. Ведь, к примеру, грузинская композиторская школа или узбекская — понятие не столько географическое, сколько стилистическое.

Одно из ярких доказательств определенности национальных черт в музыкальном искусстве — русская классическая школа, от Глинки до наших времен, включая Прокофьева и Шостаковича. Какие разные почерки, индивидуальности, художественные натуры, наконец, эпохи в искусстве! Какие разные сочинения: от Глинки до Шостаковича — огромная временная дистанция! Если называть даже только самые крупные имена: Глинка — Бородин — Мусоргский — Римский-Корсаков — Чайковский — Рахманинов — Скрябин — Глазунов — Мясковский — Прокофьев — Шостакович. Все они титаны русского искусства, все — яркое национальное явление в истории русской культуры.

Может, кому-то покажет-

своим телом амбразуру, кто выстаивал по несколько суток по пояс в болоте, защищая земли от фашистских захватчиков; о русских женщинах, что трудились на заводе, достойно заменяя своими трудовыми подвигами ушедших на фронт мужчин. В Седьмой симфонии Дмитрия Шостаковича нет народных мелодий, интонаций, но в ней настроения, переживания людей, черты советского человека — самоотверженного, отважного, преданного идеалам любви к Родине, перед которыми фашизм оказался бессильным.

Именно на то, что произведение может быть народным, хотя в нем не использована ни одна фольклорная цитата, и, напротив, народные мелодии, которыми инкрустирована партитура, не всегда свидетельствует о национальной принадлежности музыки, мне хотелось обратить здесь внимание. Между прочим, тот же Глинка или Бородин писали восточную музыку и пользовались подлинными цитатами, оставаясь русскими композиторами и изображая «русский» Восток. А вспомним «Ромео и Джульетту» Чайковского и тот же сюжет у Берлиоза — один писал как